

Гл. VII. Рефлексивные преобразования

В пятой главе мы выделили в рефлексии описательную и целеполагающую компоненты. Рефлексия осознает человеческое поведение в форме целенаправленной деятельности. Но что собой представляет это целеполагание на уровне социальных эстафет? Попробуем показать, что мы сталкиваемся здесь с очень интересным явлением, которое вполне заслуживает детального анализа.

Целеполагающая рефлексия

1. Поляризация образцов

Представьте себе, что некто осуществляет на ваших глазах определенную деятельность и вы хотите ее воспроизвести. Легко обнаружить, что это невозможно сделать без некоторых дополнительных условий. Дело в том, что деятельность – это целенаправленный акт, а перед вами только набор каких-то операций с каким-то набором предметов. Прежде всего, вам надо выделить в этом наборе тот продукт, который требуется получить. Только в этом случае можно представить образец как образец именно деятельности. Будем называть это поляризацией образца. Образец надо поляризовать, но как это сделать? Положение может спасти наличие других образцов, например, образцов, в рамках которых наши акции как-то обеспечивают друг друга и какая-то последующая акция невозможна без предыдущей. Иными словами, можно опираться на сопряженность эстафет. Допустим, человек заходит в магазин и покупает пачку сигарет. Какова была его цель? Были ему нужны сигареты или он хотел разменять крупную купюру? Если это и можно выяснить, то только в контексте предыдущих и последующих действий. Мы, разумеется, предполагаем, что никаких других средств трансляции у нас нет, и мы не можем просто спросить: «Что ты делаешь?».

Поскольку, как уже отмечалось, рефлексия всегда фиксирует поведение в форме целенаправленных актов, мы можем дать еще одно ее определение: рефлексия – это поляризация образцов, воспроизводимых в рамках той или иной эстафетной структуры. Но эти структуры, если они, в частности, включают в свой состав эстафеты сопряженные не с одной, а с несколькими другими эстафетами, допускают разную поляризацию. Будем такую сопряженность называть поливалентной. Так, например, в ситуации с Шартрским собором каждый участник с равным правом может рассматривать свои акции и как строительство собора, и как зарабатывание денег. Строго говоря, каждый из них делает и то и другое, но целевые установки у них разные. Можно, например, представить их поляризацию следующим образом: один из них рассматривает заработок как промежуточный продукт, который позволяет ему строить собор, другой наоборот рассматривает строительство собора как средство получения денег. Переход от одной поляризации к другой мы будем называть рефлексивным преобразованием. Ниже мы постараемся показать, что исследование этих преобразований представляет существенный интерес и позволяет рассмотреть с единой точки зрения большое количество разнообразных социальных явлений. Кроме того, это исследование имеет и методологическое значение, ибо помогает осознать и решить целый ряд

проблем, с которыми мы сталкиваемся при исследовании социальной реальности.

2. Проблема Гилберта и Малкея

Начнем с проблемы, которая была четко осознана в книге Дж. Гилберта и М. Малкея «Открывая ящик Пандоры». Суть проблемы в том, что деятельность не поддается «прямому наблюдению». Вот что пишут авторы по этому поводу: «Наблюдаемые физические действия, производимые при выполнении эксперимента, не дают ответа на вопрос, выполняется ли этот эксперимент с целью опровержения некой гипотезы, или в поисках нового способа измерения известной переменной, или для обычной проверки экспериментального прибора и т.д. Установить, какое из этих или других действий мы наблюдаем, в любом конкретном случае можно, лишь обратившись к письменным или устным свидетельствам участников»¹. А можно ли доверять этим устным или письменным свидетельствам? Представьте себе, что вы присутствуете при постановке научного эксперимента. Как выявить подлинные целевые установки участников? Где гарантия того, что ученый стремится к получению научного результата, а не к достижению следующей ступени в развитии своей карьеры? Надо же различать «подлинные» целевые установки и их манифестацию. А что значит «подлинные»? С точки зрения авторов, «подлинное значение» наблюдаемых действий вариабельно и зависит от контекста. При этом сами действующие лица постоянно заново интерпретируют одни и те же действия в зависимости от изменения социальных условий.

Окончательные выводы авторов сводятся к следующим двум положениям: 1) «Самое правильное, видимо, понимать значение социального действия не как единую характеристику актов, которые можно наблюдать в процессе их осуществления, а как веер потенциальных возможностей действовать так или иначе, которые реализуются по-разному, путем различных интерпретаций, вырабатываемых участниками в разных социальных контекстах»². 2) «Социальный мир не состоит из дискретных одномерных действий, которые могут быть более или менее точно описаны»; его следует мыслить «в терминах неопределенных рядов потенциально возможных языковых формул, которые могут быть реализованы многими сильно различающимися способами и к тому же постоянно переформулируются в ходе непрерывного интерпретационного процесса»³. Первое положение, как нам представляется, не вызывает сомнений, и выше мы уже неоднократно к этому возвращались. Гораздо труднее, однако, согласиться со вторым тезисом авторов. Исходя из того, что целенаправленная деятельность часто предполагает вербализованную рефлексию или ею сопровождается, они предлагают фактически идентифицировать социальный мир с набором вербальных формул, социальную реальность – с реальностью языка. Это тем более странно,

¹ Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социологический анализ высказываний ученых. М., 1987. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 22.

что авторы тут же настаивают на зависимости всех интерпретаций от социального контекста. Что же, этот контекст тоже следует рассматривать как набор «потенциально возможных языковых формул»? А потом существуют ли какие-либо инварианты при замене одних языковых формул другими? Невольно напрашивается мысль, что из поля зрения авторов удивительным образом выпал целый слой социальной реальности, а именно мир эстафетных структур. А между тем анализ этого мира и, в частности анализ поливалентной сопряженности эстафет помогает понять, чем обусловлена возможность различных интерпретаций наших действий, и выявить здесь некоторые закономерности.

3. Этнографическая модель

Но постараемся показать, что проблема, поставленная Гилбертом и Малкеем, вполне реальна и, с ней практически сталкивается любой исследователь в области социальных дисциплин. Рассмотрим сравнительно простой и несколько искусственный пример, который, однако, моделирует многие ситуации социального познания. Представьте себе этнографа, который, наблюдая за действиями аборигена в каком-нибудь еще не затронутом цивилизацией уголке Земли, пытается понять, что именно тот делает. Непосредственно можно зафиксировать, что абориген бьет камень о камень. Это, однако, ничего не говорит о его целевых установках. Может быть, он хочет получить острый осколок камня; может – искру для разжигания костра; не исключено, что он подает звуковой сигнал или отпугивает змею. Каким должен быть ход рассуждений этнографа, – проследить дальнейшие действия аборигена. Если, к примеру, он начинает раздувать затлевшийся мох, то есть основания предполагать, что именно этого он и хотел. Другое дело, если он собирает затем разлетевшиеся осколки камня. Не исключено, однако, что в обоих случаях абориген воспользовался побочными результатами своих действий, которые не были им заранее предусмотрены. С таким явлением использования побочных результатов мы постоянно сталкиваемся в развитии науки, культуры, техники. Но чем отличается основной результат от побочного, чем обусловлено это их противопоставление в нашем сознании?

Суть в том, что в нашем распоряжении есть еще один способ рассуждения. Мы можем опираться в своей интерпретации на характер не последующей, а предыдущей деятельности, на характер тех образцов, которые наличествуют в культуре аборигена. Явно или неявно, но мы будем исходить при этом из предположения, что люди всегда действуют по образцам, выступая в качестве участников множества социальных эстафет. Абориген, с этой точки зрения, делает то, что обычно принято делать в таких случаях в его ближайшем окружении. И если, согласно нашим предыдущим наблюдениям, его соплеменники в аналогичных ситуациях всегда собирают острые осколки, а огонь добывают трением, то это можно приписать и нашему персонажу. Противопоставление основных и побочных результатов деятельности возникает в тех случаях, когда мы пытаемся сочетать оба приведенных способа рассуждения, и оказывается, что выводы противоречат друг другу. Абориген, к примеру, начинает раздувать затлевшийся мох, хотя

ничего подобного не было в прошлом опыте изготовления каменных орудий.

Но вернемся к этнографу. Может показаться, что он решил теперь задачу однозначной интерпретации наблюдаемых действий. Главное – это образцы, на которые опирается абориген, и именно они определяют подлинное содержание того, что он делает. Все остальное – побочные результаты. Рассуждая таким образом, мы сильно упрощаем ситуацию. Дело в том, что и сам абориген осознает свои акции и делает это примерно таким же образом, как и этнограф. Иными словами, в его прошлом опыте действия тоже имеют не только основной, но и побочный результат, не получая, таким образом, однозначной функциональной определенности. Но если действия полифункциональны и на уровне образцов, то как определить, на какой именно из возможных вариантов ориентируется абориген в данном конкретном случае? Как быть, к примеру, если в его окружении принято и подавать звуковые сигналы, и высекать искры? Наличие образцов усложняет картину еще в одном отношении. Не исключено ведь, что абориген вовсе не стремится достигнуть конкретного практического результата, а только показывает, как это можно сделать. Тот факт, что он на наших глазах разжег костер или сделал каменный нож, вовсе не опровергает это предположение. Иначе говоря, мы должны выделять в каждом акте, с одной стороны, его непосредственные практические результаты, а с другой – его нормативную функцию, функцию образца. Что является главным, а что побочным? Наш этнограф и здесь оказывается на развилке дорог.

Можно попытаться скорректировать наши выводы, исследуя не прошлое и не будущее, а непосредственно ту ситуацию, в которой находится абориген. Что именно в этой ситуации побуждает его к действию, чего именно ему не хватает? Если, например, костер уже горит, то мало вероятно, что наш герой пытается разжечь новый. Мало вероятно, но не исключено. Очевидно, что ситуация сама по себе не определяет однозначно характер действий и целевых установок. Представители разных традиций, разных культур будут действовать различным образом при одних и тех же обстоятельствах. И даже один и тот же человек, дважды попадая в сходные условия, далеко не всегда ведет себя одинаково. Хотя, конечно, иногда анализ ситуации может дать и однозначный ответ. Никто не будет, например, демонстрировать образец в отсутствие свидетелей.

Пример с этнографом показывает, что поляризация образцов и осознание тех или иных акций в форме деятельности тесно связаны с характером эстафетных структур, в сфере которых эти акции происходят, и прежде всего с поливалентной сопряженностью эстафет. Сами эти структуры, оставаясь инвариантными, позволяют рассматривать тот или иной образец в контексте разных сопряженных с ним эстафет, что меняет его поляризацию. Можно, например, осознавать те или иные действия, просто как воспроизведение тех образцов, на базе которых они реализуются, а можно – с точки зрения последующих актов, использующих полученные результаты. В первом случае само воспроизведение и будет продуктом деятельности. Можно выделить непосредственную практическую функцию действий, связанную с получением какого-то материального продукта, а можно – их

нормативную функцию. Нам при этом несущественно, осуществляет ли эту рефлексию внешний наблюдатель или сам участник процесса. Важна полифункциональность образца и связанная с этим возможность разных его поляризаций. Такая поляризация вовсе не предполагает обязательной вербализации, как этого фактически требуют Гилберт и Малкей. Как видно из приведенного примера, у нас есть возможность установить с некоторой вероятностью характер поляризации, если мы рассматриваем ту или иную акцию в достаточно богатом контексте других акций. Все это, кстати, показывает, что не существует и не может существовать отдельно взятый акт деятельности, он существует только в универсуме других актов. В рамках предметоцентристских установок в принципе нельзя понять, что такое акт деятельности.

Смена целевых установок

1. Рефлексивные преобразования и рефлексивная симметрия

Переход от одной поляризации образца к другой мы будем называть рефлексивным преобразованием. Речь идет о смене целевых установок. Вполне возможно, например, что абориген, о котором шла речь, первоначально хотел получить искру и поджечь мох, но, заметив отскочивший острый осколок, переосмыслил все свои действия в свете этого неожиданного результата. Смена целевых установок приводит к возникновению нового акта деятельности. При этом сами действия остаются теми же самыми и реализуются по тем же самым образцам. Если для актов деятельности А и В существует такое преобразование, то эти акты мы будем называть рефлексивно связанными.

Нетрудно заметить, что пример с аборигеном существенно отличается от ситуации при строительстве Шартрского собора. Во-первых, связь между разжиганием костра и изготовлением каменного ножа в данном примере возникает совершенно случайно: хотел человек сделать одно, а неожиданно получилось другое. Во-вторых, рефлексивное преобразование сопровождается здесь выделением совершенно новых компонентов среды, на которых осуществляется деятельность, иными словами, меняется ее объектное поле. Разжигание костра предполагает в качестве объекта какое-то топливо, например, сухой мох, который вовсе не фигурирует в акте изготовления ножа. Ничего этого нет в случае с Шартрским собором. Здесь строительство собора и зарабатывание хлеба – это два рефлексивно связанных акта деятельности, которые, строго говоря, просто не существуют друг без друга. Нельзя строить собор, не зарабатывая при этом себе на хлеб. Такое строительство долго не продлится, ибо закончится дистрофией. Но нельзя и зарабатывать на хлеб, ничего не производя взамен, т.е. не строя в данном случае собор. Важно, что компоненты объектного поля здесь остаются инвариантными, меняются только их ролевые функции. В одном случае, собор является конечным и основным продуктом, а зарплата – промежуточным, в другом, – наоборот. Один из участников строит собор для того, чтобы заработать, другой зарабатывает, чтобы строить собор. В случае с аборигеном меняется эстафетная структура, ибо возникает новая сопряженность: образцы операций с камнем становятся поливалентно сопряженным. В примере с Шартрским собором рефлексивное преобразование сохраняет эстафетную

структуру инвариантной. Такие акты деятельности, которые отличаются друг от друга только поляризацией образцов при сохранении объектного поля, мы будем называть рефлексивно симметричными.

Мы не случайно все время вспоминаем о Шартрском соборе. Теория часто строится следующим путем: исследуется некоторый «болтливый» объект, а затем показывается, что к этому объекту можно свести некоторое количество других явлений, гораздо более «молчаливых». В развитии статики, например, таким болтливым объектом были равноплечие весы, к которым, начиная с Архимеда, постепенно свели рычаг, ворот, наклонную плоскость и винт. Ч. Дарвин в своей теории коралловых рифов отталкивается от анализа береговых рифов как наиболее «прозрачного» случая, а затем сводит к этому другие виды коралловых построек, включая атоллы. Легенда о яблоке, которое якобы упало на голову Ньютона, оправдана хотя бы потому, что именно падение обычных земных предметов было тем очевидным фактом, к которому Ньютон сумел свести движение Луны, других планет и вообще космических тел. Притча о Шартрском соборе тоже открывает нам широкий и разнообразный мир рефлексивных преобразований и рефлексивной симметрии. И нетрудно видеть, что она изоморфна огромному количеству реальных сегодняшних ситуаций, и строителей собора можно заменить любым специалистом на его рабочем месте.

2. Симметрия и устойчивость

Л.Ю. Одинокова впервые обратила внимание на то, что рефлексивная симметрия типа Шартрского собора – это условие устойчивости системы⁴. Действительно, строительство будет развиваться успешно, только в том случае, если те, кто зарабатывает себе на хлеб, будут одновременно добросовестно строить собор, а убежденные строители будут и зарабатывать на хлеб. В противном случае система становится неустойчивой и начинает зависеть от различных случайных обстоятельств. Представьте себе, что снижается заработная плата. Это не означает, что рабочие сразу начнут уходить, но многие из них уйдут, если подвернется благоприятная возможность. Это как раз те, кто в первую очередь зарабатывал хлеб семье.

Удивительно, но реальные ситуации, с которыми сталкивается человечество в своей производственной деятельности и которые порождают современные проблемы устойчивости развития, в значительной степени изоморфны воображаемому Шартрскому собору. Фактически идеи симметрии были уже у нашего знаменитого лесоведа Г.Ф. Морозова, основателя учения о лесе как географическом явлении. У него мы находим следующее правило устойчивого лесопользования: «...рубки должны быть так организованы, чтобы во время их производства или следом за ними возникал бы новый лес. Иначе говоря, чтобы рубка и возобновление леса были синонимами»⁵. Иными словами, главной задачей лесного хозяйства он считал создание нового леса в

⁴ Розов М.А., Одинокова Л.Ю. Общественно-территориальные системы как системы с рефлексией // Вторые сократические чтения по географии. М., Изд. УРАО. 2001.

⁵ Морозов Г.Ф. Избранные труды. Т. 1. М., 1970. С. 477.

процессе использования леса: «Естественным возобновлением называется такое, когда новое поколение леса возникает во время процесса рубки, как результат рубки, или после рубки, но в лесоводственно допустимый срок; естественное возобновление происходит тогда, когда в процессе потребления леса создается новый лес. Это-то и есть жизненный нерв лесного хозяйства»⁶. «В лесоводстве ..., – писал Морозов, – есть два вида рубок, именно: 1) *рубки главного пользования* или, памятуя первый основной принцип постоянства пользования, рубки возобновительные, 2) *рубки промежуточного пользования или рубки ухода*, а также воспитательные рубки»⁷.

Обратите внимание: Морозов настаивает на том, чтобы рубки и возобновление были «синонимами», чтобы рубки главного пользования были рубками возобновительными. Но это как раз и означает рефлексивную симметрию двух видов деятельности, а именно – деятельности использования и возобновления леса. Использование есть промежуточный этап возобновления, возобновление – промежуточный этап использования. Кстати, условие устойчивости строительства собора можно тоже образно сформулировать на языке Морозова: зарабатывать хлеба семье и строительство должны быть синонимами.

Нельзя не отметить, что принцип «рубки и возобновление синонимы» был в свое время подвергнут у нас ожесточенной и чисто идеологической критике. Вот несколько отрывков из предисловия к седьмому зданию знаменитой книги Морозова «Учение о лесе» 1949 года. «Там, где поставлены лесопромышленные задачи... принцип «рубки и возобновление синонимы» не применим и реакционен, ибо он мешает успешному выполнению плана удовлетворения нашей потребности в древесине». «При промышленных рубках размер их не ограничивается. В этом случае следует действовать по принципу – взять древесины больше, лучшего качества, в кратчайший срок, при наименьшей затрате средств. Практически размер рубок определяется пропускной способностью лесовозных путей...»⁸. «В условиях социалистического хозяйства принцип постоянства и равномерности пользования лесом, как универсальный и всеобщий, является неприемлемым и реакционным»⁹. Вот они установки, ведущие прямоком в экологический кризис, и идеи Г.Ф. Морозова имплицитно звучат в работах современных географов. Так, например Д.И. Люри отмечает, что на территориях с бедными ресурсами кризисные ситуации наблюдаются гораздо реже, т.к. использование бедных ресурсов постоянно требует их восстановления¹⁰. Наблюдается то, о чем говорил Г.Ф. Морозов: использование одновременно и есть возобновление. Иными словами, на таких территориях мы наблюдаем явную рефлексивную симметрию двух видов деятельности. На территориях богатых ресурсами, напротив, подобная симметрия нарушается, т.к.

⁶ Там же. С 478.

⁷ Там же. С. 478.

⁸ Морозов Г.Ф. Учение о лесе. М.–Л., 1949. С. 15.

⁹ Там же. С.16.

¹⁰ Люри Д.И. Кризисы в системе природа – общество //Анатомия кризисов. М.,1999.

кризисные явления существуют для субъектов деятельности только в далекой перспективе. Например, как пишет Д.И. Люри: «Повышение ежегодных лесопосадок медленнее всего происходит в группе стран с большими лесными запасами, а быстрее всего в тех, которые обделены этим богатством. Следствием этого стала парадоксальная на первый взгляд ситуация: обезлесение характерно прежде всего для стран с большей площадью лесов!»¹¹.

3. Типы рефлексивных преобразований.

Мы уже видели, что рефлексивные преобразования отличаются друг от друга. В целях построения общей картины, с одной стороны, и детализации наших представлений, с другой, попробуем выделить основные типы таких преобразований. Представим себе некоторую эстафету S_1 , сопряженную с двумя другими эстафетами S_2 и S_3 . Будем предполагать, что действия в рамках S_1 полифункциональны и создают определенные условия для реализации образцов в S_2 и в S_3 . Каждый акт в рамках эстафеты S_1 , с одной стороны, обеспечивает производство чего-то необходимого для двух других эстафет, выполняя производственную функцию. Но, с другой стороны, он воспроизводит какой-то предшествующий акт и служит образцом для последующих, выполняя функцию воспроизводства. Тогда для деятельности, реализуемой в S_1 , можно чисто формально выделить четыре основных типа рефлексивных преобразований.

Перечислим эти типы полностью, хотя не все из них будут представлять для нас интерес.

1) Рефлексивные преобразования, связанные с производственной функцией, мы будем называть предмет-предметными преобразованиями. Ситуации с Шартрским собором и с аборигеном, раздувающим случайно полученную искру, следует отнести именно к этому типу, не взирая на их уже отмеченные различия. Соответственно рефлексивную симметрию, связанную с производственными функциями, мы будем именовать предметной-предметной симметрией.

2) В сфере воспроизводства деятельности каждый акт выступает, с одной стороны, как повторение (имитация) предыдущего, а с другой, как образец (программа) для последующего. Возможны ситуации, например, в процессе обучения, при которых целевые установки связаны именно с имитацией или с демонстрацией образца. Предположим, что преподаватель английского языка произносит фразу «What is the time?» Он при этом вовсе не интересуется временем и не ждет от вас соответствующего ответа, он демонстрирует образец вопроса. Именно в такой демонстрации и состоит его целевая установка. Вы в свою очередь не собираетесь отвечать, а просто повторяете (имитируете) фразу преподавателя, что тоже связано с вашей задачей изучения языка. Но в идеальном случае вы ничем не отличаетесь от преподавателя по характеру действий, происходит изменение одной только целевой

¹¹ Люри Д.И. Взаимодействие природы и общества – путь к кризису //Анатомия кризисов. М.,1999. С. 122.

установки. Такие преобразования или соответствующую симметрию мы будем называть программно-имитационными.

3) Реализуя тот или иной акт, вы можете ставить две разных задачи: либо вы хотите получить какой-то продукт, важный для S_2 или для S_3 , либо вы хотите продемонстрировать образец получения этого продукта. Такое преобразование мы будем называть программно-предметным. Очевидно, что возможна и соответствующая симметрия. Ниже мы приведем примеры таких преобразований из разных сфер жизни. 4) Наконец, возможны имитационно-предметные преобразования. Они имеют место тогда, когда мы переключаемся с задач получения некоторого продукта для S_2 или для S_3 на задачи воспроизведения (имитации) образца или наоборот. Производя продукт, мы воспроизводим образец, ибо другого пути у нас просто нет, а воспроизводя образец, получаем и продукт, но целевые установки у нас при этом разные. Представление об имитационно-предметных преобразованиях помогает эксплицировать интуицию многих литературоведов и культурологов, которые, с одной стороны, понимают, что любой художник работает в определенных традициях, а с другой – возражают против откровенного подражательства. Поскольку мы уже не будем к этому возвращаться, приведем конкретный пример.

Вот что пишет по этому поводу В. Г. Белинский в одной из своих ранних рецензий: «Что такое подражание? Гений создает оригинально, самобытно, т. е. воспроизводит явления жизни в образах новых, никому не доступных и никем не подозреваемых; талант читает эти произведения, упоится, проникается ими, живет в них; эти образы преследуют его, не дают ему покоя, и вот он берется за перо, и вот его творение более или менее делается отголоском творения гения, носит на себе явные следы его влияния, хотя и не лишено собственных красот. Но в сем случае талант и не хотел и не думал подражать: он только заплатил невольную дань удивления и восторга гению, он только был увлечен тяготением его силы... Но есть еще особенного рода подражатели. Эти берут за образец какое-нибудь сочинение, хорошее или дурное, например, хоть какой-нибудь забытый роман... и, не сводя с него глаз, следя за ним шаг за шагом, силиятся слепить что-нибудь подобное. Белинский явно преувеличивает самобытность гения. Давно доказано, что и величайшие художники постоянно и активно заимствовали у своих предшественников и современников. А вот противопоставление таланта и бездарности как раз и иллюстрирует имитационно-предметную симметрию, или, точнее, ее нарушение. Обратите внимание: «талант и не хотел и не думал подражать», он только был увлечен тяготением силы гения. Иными словами, художник, конечно, действует по образцам, но не в этом его задача. Его увлекают какие-то события жизни, он ищет самовыражения... Симметрию нарушает бездарность, для которой важна копия как таковая и ничего больше. В принципе, однако, второй вариант возможен и без нарушения симметрии. В воспоминаниях об Алексее Толстом приводится следующий его рассказ: «Я считал, что величайшее счастье писать, как Тургенев. Я читал его так много и часто, что мог по началу его фразы

¹² Белинский В. Г. ПСС. Т. 1. М., 1953. С. 105–106.

продолжать дальше – как у него написано или как он написал бы. Он будто заполнил меня всего. Так вот, когда я принялся за прозу всерьез, я стал пытаться найти свой язык, свой способ. Но смотрю – ничего не получается своего, чистый Тургенев. Отдал рассказ в редакцию, жду, трушу, что мне скажут: «Ну, что вы, молодой человек, нельзя же так, это если не плагиат, то слепое подражание Тургеневу». Однако не заметили, сказали – очень мило, давайте еще. Потом, довольно скоро, стали говорить, что чувствуется свой новый голос»¹³. Последнее означало, что помимо копирования Тургенева у Алексея Толстого было что-то еще, решалась еще какая-то задача.

Приведенный факт, как, впрочем, и все предыдущее, нельзя полностью понять, если не учитывать, что воспроизведение социальных образцов отнюдь не противоречит появлению нового. Социальные образцы всегда воспроизводятся в новой ситуации, в новом контексте, с новыми объектами, и уже это делает воспроизведение творческим актом. В частности, не так-то просто писать, как Тургенев, если и конкретный материал, да и эпоха в целом уже другие. В самой задаче уже заложено противоречие. Писать в новых условиях полностью, как Тургенев, – это значит изолировать себя от времени, перестать, строго говоря, быть писателем, т. е. писать уже совсем не так, как Тургенев.

Примеры рефлексивных преобразований.

Перейдем теперь к более детальному анализу отдельных видов рефлексивных преобразований и постараемся показать, что введенные понятия позволяют рассмотреть с единой точки зрения достаточно большой круг явлений, включая иногда далеко не столь уж и тривиальные случаи. Ограничимся предметными и программно-предметными преобразованиями, которые нам понадобятся в дальнейшем при анализе науки и научного знания.

1. Что хотел сказать Некрасов?

Начнем с известного стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога». Мальчик Ваня спрашивает своего отца-генерала: «Папаша! Кто строил эту дорогу?» «Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!» – отвечает генерал. Некрасов, казалось бы, с этим не согласен: «Труд этот, Ваня, был страшно громаден – не по плечу одному!» И действительно, очевидно, что один человек не способен своими руками выстроить железную дорогу. Кто же ее строил? Народ? Некрасов, вероятно, должен был бы придерживаться именно этой точки зрения, но он пишет: «В мире есть царь: этот царь беспощаден, голод название ему... Он-то согнал сюда массы народные...» Итак, получается, что народ не дорогу строил, а спасался от голода, а это, согласитесь, несколько иная задача. Тут, однако, волею поэта за стеклами поезда появляется жуткая толпа мертвецов, погибших при строительстве дороги, и они заявляют: «В ночь эту лунную любо нам видеть свой труд!» Но ведь если они не дорогу строили, а от голода спасались, то и труд их в другом. Труд, правда, как показывает Некрасов, особых плодов не принес:

¹³ Толстой Н. Из воспоминаний // Аврора. 1983. № 1. С. 90.

«Каждый подрядчику должен остался, стали в копейку прогульные дни!» Нет, похоже, что дорогу все же строил вышеупомянутый граф, если, конечно, и у него самого не было каких-то иных целей. Но толпа мертвецов настаивает: «Братья! Вы наши труды пожинаете! Нам же в земле истлевать суждено...» «Вот они – нашей дороги строители!» – говорит Некрасов. Генерал, разумеется, не согласен: «Ваш славянин, англо-сакс и германец не создавать – разрушать мастера, варвары! дикое скопище пьяниц!» И самое удивительное, что Некрасов не возражает, а рисует заключительную картину, где обманутый народ, получив на водку, выражает свое полное удовлетворение: «Выпряг народ лошадей – и купчину с криком ура! по дороге помчал...»

Нетрудно видеть, что стихотворение дает нам две рефлексивно связанные версии, очень напоминающие притчу о Шартрском соборе. При этом позиция самого автора не так уж и ясна. Похоже, что он просто хочет столкнуть эти две версии друг с другом, понимая ограниченность каждой из них в отдельности. Мы имеем здесь простую модель, пригодную, однако, для обсуждения достаточно сложных вопросов, таких, например, как проблема исторической телеологии и ряда других. Особый интерес, в частности, представляет явление нарушения симметрии в ситуациях рассмотренного типа. Безбилетных пассажиров принято называть «зайцами». Можно обобщить это понятие и говорить о «социальных зайцах», которые, используя социальные институты и маскируясь под их представителей, преследуют совсем другие цели. Образно выражаясь, это люди, которые, зарабатывая хлеб семье, только делают вид, что строят собор.

2. Язык и речь

Что бы мы ни делали, мы с необходимостью опираемся на имеющиеся у нас социальные образцы, а также заново их воспроизводим и демонстрируем для окружающих нас людей. Иными словами, мы одновременно и решаем какие-то практические задачи, и транслируем опыт. Этот факт и лежит в основе программно-предметной симметрии, которая, как нам представляется, способна пролить новый свет на многие традиционные проблемы.

Одна из таких проблем – это проблема противопоставления языка и речи. Не входя в обсуждение многочисленных деталей и точек зрения, остановимся на известной и принципиальной статье Л.В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Обратим внимание на следующий достаточно очевидный факт: в окружающей нас социальной действительности языковые явления представлены, прежде всего, процессами говорения и понимания, т.е. конкретной речевой деятельностью людей. Л.В. Щерба выделяет эту деятельность в качестве первого аспекта языковых явлений, хотя, с точки зрения дилетанта, на этом можно было бы и закончить. Принято, однако, полагать, что участие в указанной деятельности требует знания языка, т.е. чего-то отличного от самой деятельности. Что же это такое? В качестве второго аспекта языковых явлений Л.В. Щерба выделяет грамматику и словари, называя их «языковыми системами», но очевидно, что носители языка вполне могут без этого обойтись и обходились на протяжении тысячелетий. Либо мы должны допустить, что

языка просто не было до лингвистов (такая точка зрения, кстати, существует), либо наряду с уже указанными аспектами есть что-то еще. Это третье Л.В. Щерба именует «языковым материалом». Языковые системы, – пишет он, – «в непосредственном опыте... нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции "языковым материалом" (третий аспект языковых явлений)»¹⁴.

Итак, обнаруживается, что речевая деятельность выступает как бы в двух ипостасях: речевая деятельность как таковая и языковой материал. Именно этот последний и дает нам возможность вывести правила грамматики, строить словари и вообще отвечать на вопросы о том, как мы говорим. Но как же соотносятся друг с другом эти две ипостаси? Вот здесь и напрашивается мысль, что мы имеем дело с программно-предметной рефлексивной симметрией. Речевая деятельность, с одной стороны, это решение конкретных задач коммуникации, а с другой, – образец для воспроизведения этой самой речевой деятельности. Произнося фразу «не забудьте взять зонтик», вы и понуждаете человека к определенному действию, и показываете, что и как следует говорить в сходных ситуациях. Спросите у преподавателя английского языка, как сказать «не забудьте взять зонтик», и он тут же произнесет нечто эквивалентное по-английски. Характерно, что вы вовсе не будете воспринимать его фразу как предписание, вы не спросите, например: «Какой зонтик?» Но именно так мы относимся и к совокупности «текстов», образующих языковой материал: мы не включаемся в соответствующие акты коммуникации, а только заимствуем и анализируем образцы материала, как нам представляется, – это и есть язык, язык как нечто объективно существующее и доступное изучению. И это не просто тексты, а «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке и в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы»¹⁵. Еще точнее, это совокупная речевая деятельность, взятая в функции образца, т.е. как опыт. Что касается языковой системы, которую чаще всего и идентифицируют с языком, то она есть продукт вербализации и теоретизации этого опыта, продукт изучения всего того, что говорилось и понималось. Мы приходим, таким образом, к тезису об исходной рефлексивной симметрии речи (речевой деятельности) и языка. В дальнейшем, разумеется, эта симметрия может и нарушаться, например, для мертвых языков.

3. Познание и практика

Помню разговор с известным, но рано ушедшим из жизни нашим философом Б. С. Грязновым. Разговор этот состоялся на одном из симпозиумов где-то в середине 70-х годов. Обсуждался вопрос о связи познания и других сфер социальной практики человека. «Мы рассматриваем познание и практическую деятельность, – сказал Грязнов, – так, точно речь идет о разных явлениях, но ведь фактически это как бы две проекции одного и того же». И действительно, разве это не так? Только метафорическое выражение «проекция» надо заменить на

¹⁴ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 26.

¹⁵ Там же.

более конкретное – «рефлексивное преобразование». Что бы мы ни делали, например, в сфере материального производства, мы получаем не только некоторый вещественный результат, но и накапливаем опыт, который тоже, так или иначе, фиксируется в виде устных или письменных текстов. Вопрос только в том, что мы рассматриваем в качестве итогового продукта. Наука сплошь и рядом формируется за счет соответствующего рефлексивного переключения. Стоит перелистать «Исследование о растениях» Феофраста, одного из основателей ботаники как науки, и хорошо видно, что он в значительной степени заимствует свои знания у садоводов, у купцов, торгующих древесиной, у собирателей смолы и т.п., хотя эти последние, строго говоря, вовсе не ставили перед собой познавательных задач. Можно сказать, что рефлексивные преобразования лежат в основе формирования познания как особой деятельности.

Научный эксперимент сплошь и рядом можно рассматривать как нечто рефлексивно-симметричное практической деятельности. Химик в лаборатории, с одной стороны, получает нужное ему вещество, с другой, – описывает процесс получения. Все зависит от того, что мы при этом считаем его основным продуктом, полученное им вещество или знание. Можно продолжить обобщение и сказать, что любая практическая деятельность рефлексивно симметрична соответствующей познавательной, ибо любая практическая деятельность одновременно является и накоплением опыта, который закрепляется и фиксируется в той или иной форме.

С каким видом рефлексивных преобразований мы здесь имеем дело? Может показаться, что речь идет о выборе между основным и побочным продуктом. В ходе практической деятельности мы побочным образом накапливаем опыт, который фиксируем в знании. Иными словами, может показаться, что речь идет о предмет-предметных рефлексивных преобразованиях. Но рассмотрим максимально простой вариант, когда накапливаемый опыт не вербализуется, а существует на уровне образцов. В этом случае, очевидно, что речь идет о программно-предметных преобразованиях. Вербализация опыта просто маскирует суть дела. Химик, например, может получать какое-либо соединение, а может считать своим продуктом знание о способе получения этого соединения. Но ведь знание это представляет собой не что иное, как описание эксперимента в роли образца.

Т. Кун при построении своей дисциплинарной матрицы уделяет большое внимание образцам решенных задач. Сам того не замечая, он тем самым предоставляет нам еще один пример программно-предметного рефлексивного преобразования. Решение каждой задачи дает в качестве результата не только конкретное знание, но и метод его получения. При этом первоначально этот метод существует только в форме непосредственного образца. Первые математические рукописи, например, представляли собой списки решенных задач, что свидетельствует о том, что рефлексивное переключение уже имело место, ибо кого может интересовать площадь конкретного земельного участка или геометрической фигуры, числовые характеристики которых могут уже никогда не повториться полностью. Кун показывает, что сказанное относится не только к далекому прошлому, но и к современной

науке. Каждое конкретное рассуждение, каждая доказанная теорема, помимо своего непосредственного результата, выступает и как образец для развития нашего мышления.

А вот другой пример связи практики и познания. Где-то в начале тридцатых годов XX века планеристы начали развивать искусство парения в термиках. Это был вид спорта. Но планерные полеты стали в то время основным источником сведений о природе конвективных движений и об образовании кучевых облаков. То, что было спортом, стало научным методом. Это уже, как нам представляется, пример предметного рефлексивного преобразования. Цель планериста – как можно дольше продержаться в воздухе, а поиск термиков представляет для него некоторый промежуточный продукт или средство. Но этот промежуточный продукт стал основным при изучении конвективных движений в атмосфере, а планер превратился в средство.

Рефлексивные преобразования постоянно имеют место в развитии науки, но историки, к сожалению, почти не обращают на них внимания. Наиболее очевидные примеры таких преобразований – это основные и побочные результаты эксперимента. Речь идет о предметных преобразованиях. Вот как описывает ситуацию рефлексивного переключения Вильсон в своей нобелевской речи: «Чудесные оптические явления, возникающие, когда Солнце освещает облака, возбудили во мне большой интерес и навели меня на мысль воссоздать их искусственно в лаборатории. В начале 1895 года я проделал для этой цели несколько экспериментов, получая облака путем расширения влажного воздуха. Почти сейчас же я встретился с некоторыми явлениями, которые обещали быть более интересными, чем те оптические явления, которые я намеревался исследовать»¹⁶. Речь идет, разумеется, о треках, к изучению которых Вильсон и переходит. Таким образом, исходная цель сменяется новой целью, и мы получаем два рефлексивно симметричных эксперимента. Конечно, в ходе дальнейшего исследования такая симметрия нарушается.

Другой пример напоминает ситуацию с Шартрским собором, хотя и более сложен. Н.Г. Чеботарев в своих примечаниях к сочинениям Э. Галуа пишет следующее: «Интерес Галуа был направлен главным образом на проблему решения уравнений в радикалах, в то время как свои теоретические соображения он рассматривал лишь как средство. Современные же математики считают последнее наиболее драгоценной частью наследства Галуа»¹⁷. Математики и историки математики считают Галуа основателем одной из важнейших математических дисциплин – теории групп. А так ли это? Галуа решал совсем иную задачу, а исследование групп было для него промежуточным продуктом или средством. Рефлексивное преобразование, в результате которого основной целью стало исследование групп, было осуществлено уже после Галуа. Здесь таится серьезная методологическая проблема. Историки осуществляют за Галуа то рефлексивное преобразование, которое он сам не осуществил. Тем самым они отказывают этому преобразованию в праве быть историческим фактом. Рефлексивные

¹⁶ Глесстон С. Атом, атомное ядро, атомная энергия. М., 1961. С.168.

¹⁷ Галуа Э. Сочинения. М.-Л., 1936. С. 165.

преобразования, имевшие место в прошлом, представляются им с современной точки зрения чем-то совершенно тривиальным. Они их просто не замечают, хотя фактически речь нередко идет о крупных сдвигах в развитии науки.

4. Труд и отдых

Но оставим в стороне эпистемологию и философию науки и вообще философию и перейдем к проблемам рекреационной географии. Что такое рекреация или отдых? Б.Б. Родман в своей статье «Проблема охраны и возрождения мобильного туризма»¹⁸ пытается отличить деловую утилитарную поездку от туристического путешествия. Внешне они могут ничем не отличаться друг от друга, отличие только в целевых установках. В первом случае человек стремится как можно быстрее достичь конечной точки намеченного маршрута, во втором – наиболее интересным и важным является само перемещение, позволяющее ознакомиться с местностью, полюбоваться ландшафтами, получая от этого удовольствие. Деловая поездка и путешествие как вид отдыха – это акты деятельности, связанные предмет-предметным рефлексивным преобразованием. Можно ли перенести сказанное на другие виды рекреации? Очевидно, что да. Охота, рыбная ловля, постройка палатки и разжигание костра, сплав по реке на плоту или на лодке, работа на садовом участке, ходьба, стрельба из лука, езда верхом... – все эти виды отдыха представляют собой рефлексивно преобразованные акты трудовой деятельности прошлого или настоящего. А существуют ли вообще такие формы трудовой деятельности, которые еще не превратились или которые нельзя превратить в отдых? В условиях бурного развития туристского бизнеса постоянно возникают новые виды рекреации, использующие все более богатый спектр трудовых актов. Современные туристы могут намыть золотой песок, сделать кувшин на гончарном круге, поработать лесорубами и даже слетать в космос. Вообще на рекреационных территориях, то есть на территориях, где население в основном ориентированно на туристов как источник доходов, многие виды местной хозяйственной деятельности претерпевают рефлексивные преобразования. Один из видов такого преобразования – превращение реальной деятельности в демонстрационную. Туристам демонстрируют местные танцы и обряды, виды национальных одежд, способы изготовления и использования орудий...¹⁹ Л.Ю. Одиноква описывает крокодиловую ферму в Коста-Рике, которая в значительной степени переключилась на обслуживание туристов, что, кстати, сделало кормление крокодилов похожим на достаточно рискованное цирковое представление²⁰.

¹⁸ Родман Б.Б. Проблема охраны и возрождения мобильного туризма //Теоретические проблемы рекреационной географии. М., 1989.

¹⁹ Одиноква Л.Ю. Отдых и развлечения как социальные эстафеты //От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации. М., 1998.

²⁰ Одиноква Л.Ю. Территориальные рекреационные системы как социальные куматоиды // На теневой стороне. Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск, 2004.

5. Что сделал А. Швейцер?

В речи представителя правительства республики Габон Альбера Бонго на похоронах Альберта Швейцера сказано следующее: «Для нас, габонцев, эта мировая знаменитость, этот выдающийся философ и тонкий художник, этот лауреат Нобелевской премии мира был также – и это главное – нашим другом и братом, посвятившим себя врачеванию наших язв, человеком, который принес всего себя в дар той самой земле Габона, в которой он пустил корни и которую полюбил всеми фибрами своей глубокой самозабвенной души»²¹.

Да, Швейцер около пятидесяти лет провел в девственном лесу экваториальной Африки, где построил больницу и самоотверженно лечил прокаженных негров, явно рискуя собственной жизнью. «И это главное» для республики Габон, как подчеркивает Бонго. А что сделал Швейцер для Европы, где он не практиковал в качестве врача и которую посещал не так уж и часто? Конечно, он известный органист и музыковед, он автор своеобразной этической системы, но в этом ли суть? Ведь основную часть своей жизни он посвятил все-таки Габону. Думаю, однако, что именно это и обеспечило ему прочное место в истории европейской культуры. Он остался в ней как образец самоотверженного служения идеалам гуманизма. Иными словами, Европа воспринимает его не столько в свете его врачебной деятельности и ее результатов, сколько в свете этических проблем. Швейцер нам важен как образец определенным образом прожитой жизни. Наше восприятие этой жизни явно связано с программно-предметной рефлексивностью образа Эйнштейна «Мотивы научного исследования», посвященная Максиму Планку. «Храм науки, – пишет Эйнштейн, – строение многосложное. Различны пребывающие в нем люди и приведшие их туда духовные силы. Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства; для них наука является тем подходящим спортом, который должен им дать полноту жизни и удовлетворение честолюбия. Можно найти в храме и других: плоды своих мыслей они приносят здесь в жертву только в утилитарных целях. Если бы посланный богом ангел пришел в храм и изгнал из него тех, кто принадлежит к этим двум категориям, то храм катастрофически опустел бы. Все-таки кое-кто из людей, как прошлого, так и нашего времени в нем бы остался. К числу этих людей принадлежит и наш Планк, и поэтому мы его любим»²². К чему же стремятся люди, подобные Максиму Планку? Они стремятся, согласно Эйнштейну, к объективному видению и пониманию, т.е. к истине. Но ведь научные результаты получают и другие, преследуя совсем иную цель.

Перед нами типичная ситуация Шартрского собора. И все хорошо, если соблюдается рефлексивная симметрия. А если есть стремление к истине, и если этому отдана вся жизнь, а достойный результат не получен, «собор» не выстроен. Что тогда? В науке это вполне реальная драма. Ведь проработал же Эйнштейн около 28 лет своей жизни, пытаясь построить единую теорию поля, и не получил результата. А Фердинанд де Соссюр, который замолчал на целые 25 лет,

²¹ Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л., 1978. С. 301.

²² Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т. IV. М., 1967. С. 39.

столкнувшись с проблемой субстанциальности языка!? Это, конечно, драма, но и тот и другой, независимо от этих неудач, достаточно сделали в науке. А сколько в науке честных тружеников, которые так и не добились результата! Результат ведь в данном случае зависит не только от нас.

Вот отрывок из письма А.Ф. Лосева В.Ф. Асмусу 28.9.1973 г.: «В течение нашей жизни мы с Вами работали каждый за десятерых. И в ответ на нашу работу каждый из нас тоже получал критику за десятерых. Вы, правда, сумели многих и во многом убедить. Я же, кроме небольшой кучки энтузиастов античности и античной философии, ровно никого ни в чем не убедил и покидаю земную жизнь с теми же пустыми руками, с какими и родился. Но ведь все эти дела вероятно меньше всего зависят от нас. А то, что зависит от нас, любовь к науке, бескорыстная преданность работе мысли, и независимость от текущих настроений толпы, это уже во всяком случае наше с Вами внутреннее дело, о котором не только ни с кем не хочется говорить, но даже и между собою мы в течение десятков лет тоже не считали нужным говорить»²³. А вот другая точка зрения, принадлежащая Генриху Гейне: «Не только творчество, не только оставшиеся после нас труды дают право на почетное признание после смерти, но и стремление само по себе, в особенности, пожалуй, стремление неудачное, потерпевшее крах»²⁴. Действительно, что является главным итогом жизни человека, признание значимости его трудов или сама эта жизнь как образец служения высоким идеалам? Рефлексивные преобразования связаны здесь с обсуждением достаточно глубоких этических проблем²⁵.

²³ Вспоминая В.Ф. Асмуса. М., 2001. С. 279.

²⁴ Гейне Г. Собр. соч. Т. 7. М., 1958. С. 183.

²⁵ Розов М.А. Прошлое как ценность // Путь. 1992. № 1.